Андрей
ДМИТРИЕВ

*

Над тополем —
облако,
над облаком —
колокол,
над колоколом —
в облике
старушки, угощающей молоком —
радость диковинная...

Слагаются ноты
в блокноте
лейтенанта пехотного,
когда после обстрела
всё, что не сгорело,
всё, что уцелело —
вдруг охнуло
и превратилось в мелодию —
в звенящую тишину.
Над тополем — у пилота
в наушниках шум,
но вот и сквозь чёрный шнур
побежали в сознание ноты.
«Кто ты?», —
вопрошает пилот,
коловший бомбами лёд.
«Это — я», — отвечает облако.
«Это — я», — отвечает колокол.
«Это — я», — отвечает старушка
и льёт парное своё молоко
в лишённые шума наушники...

Над тополем —
поле,
на поле — Петя и Оля,
что учились в обычной школе
до того, как вышли на поле
над тополем,
где вчерашние вопли
не делают копий...

На поле
рядом с коровой рябою —
старушка в косынке минувшей боли,
с телом из хлеба и соли
смотрела с улыбкой на Петю и Олю,
а где-то внизу — то ли
от радости этой диковинной, то ли,
чудо простое исполнив,
распускались листья на тополе.

*

Кто эти люди
с камушками вместо глаз?
Их песчаные бури —
будто голос сияющей пустоты,
но они уже с этой стороны двери...

Поздним вечером,
когда неоновые вывески

особенно словоохотливы,
когда собаки
ещё более бездомны,
когда мусор в контейнерах
стремится перевалиться за край
и засыпать уставший мир —
они идут по тому же тротуару,
что и ты, идут следом,
идут навстречу,
шелестя вороньими одеждами,
шурша змеиными подошвами…

В городе триста
тридцати трёх
неудавшихся революций
и триста тридцати трёх
неудавшихся контрреволюций
створки лифта
клацают, как гильотина.
На каком этаже
упадёт твоя голова
в подставленную
корзину как бы реальности?

Ты войдёшь в прихожую,
снимешь замёрзшую куртку,
обуешься в чёрствые тапки,
посмотришь в зеркало на стене,
и камушки вместо глаз
напомнят о каменном веке…

С этой стороны двери —
уже пытались добыть огонь,
изобрести колесо,
создать календарь,
научиться говорить,
но в данный момент
пока получается
лишь иллюзорный чай
из бумажных пакетиков…

*

Мы бежим по кругу,
бежим по кругу…
Шарманщик
набивает руку,
заставляя наш музыкальный ящик
повторять за аккордом
аккорд.
На улице холодно,
на улице обветрен рот
и щёки прохожего в балахоне,
но он — тоже по кругу,
бежит по кругу.
Молоточки — тук-тук.
Бубенцы — дзинь-дзинь.
Друг за другом,
друг за кругом,
круг за другом —
по кругу
весны, лета, осени или зимы…

Старая шарманка —
звеняща,
мелодия — шатка.
Старый шарманщик —
молчалив, но усерден.
Ручка вращается —
появляются
и увядают соцветия,
раздёргиваются и задёргиваются
занавески,
от роддома до морга
по кругу автобус рейсовый —
едет туда-сюда,
возвращаются птицы
и вновь улетают. «Судьба», —
говорим. Шарманщик бы согласился
с таким заглавием —
округлое слово,
плывущее за облаками —
по воле вращения словно…

Да, мы бежим по кругу,
бежим по кругу.
Прошёл понедельник —
опять понедельник.
Шарманщик — внимателен к звуку,
он целую вечность при деле.
Нищает открытый оазис,
и вот уж не кофе — цикорий,
но звук продолжает вращать нас
вкруг солнца, хотя оцифрован...

*

Перетекая из вещи в вещь,
останься небесным угрём —
полузмеёй, полурыбой. Знаешь, ни лещ,
ни кобра — холодной игрой
не превзойдут почерка его кисти
на рисовой спелой бумаге...
Небесных угрей — даже чисто
гипотетически в здешнем сыром овраге
ничтожно мало.
Глядя на птиц — добываем лишь перья,
разводя диких пчёл — пробуем жало...
Кто в твоём списке первый?
Ощущаешь ли под подкладкою просо,
шаря в кармане?
У небесных угрей пресноводный космос
здешней водою отравлен...

На крючке ли,
в сетях ли...
Смерть толкает качели
из июня в сентябрь,
а потом обратно.
В столовой опять «рыбный день».
Молча плывут мазутные пятна
по мутной воде.
Но капитан с палубы смотрит
в небо, что пахнет мокрым углём —
после удачного лова сегодня
явно меньше небесным угрём...

*

Куда нас, отче?
Отче, куда нас?
На горе — то ли рак, то ли кочет
свистят — ан нет, показалось...
Голубиная почта —
конверты без адресатов.
Куда нас, отче?
Отче, куда нас?

Вон — волки в дозоре,
вон — правдорубы в законе
на лесоповале споров —
ладят звёзды к иконам,
а закрасить всё красным
пока не хватает мочи.
Отче, куда нас?
Куда нас, отче?

Мимо — быки-скарабеи,
мимо — пастушья сумка —
бросил в неё Кирибеевич
гнутый крестик из-под костяшек смуты —
с груди, проломленной загодя.
Мимо — бетонные клети,
а в клетях — тёти и дяди
строгают поленья, и получаются дети.

Мимо — башни-ходули
с гаубичным прицелом,
мимо — пустыни и саксаулы,
здесь песком наполняют цистерны,
мимо — опоры-сваи,
вбиваемые по пояс
в поле с приземистыми небесами,
где свой хвост догоняет поезд...

Так куда же нас, отче?
Отче, куда нас?
В рыжей жилетке рабочий

мажет зелёнкой палец
у траншеи, опираясь на черенок
своей совковой лопаты.
Что он роет здесь, для чего?
Вверху — гудят киловатты,
на которых сидят воробьи.
Куда нас, отче,
если мы — не рабы,
а рабы — не мы, как пустили слух по цепочке?

*

Пуговки вместо глаз
пришиты крест-накрест.
Плюшевое дыхание
наполняет собою материю
чем-то мягким на ощупь.
Подарили на день рождения.
Тогда игрушки были попроще,
и к ним тянулись
совершенно невзрослые люди
с надеждой на новую сказку
в своём бесхитростном мире
с блёклым рисунком обоев.

Сейчас куклы умеют говорить
и ещё много чего другого,
и детские руки
так же искренне тянутся к ним —
за несказанным вслух,
ищут себе подобных
в блистательной суете,
где плещутся взрослые рыбы
с холодным, но как бы глубоководным видом…

Лежит в углу
выцветшим комком прошлого.
Одна пуговка
болтается на последней нитке,
вторая — расфокусирована,
в ней расплывчаты контуры
некогда цельного света…
Всё вокруг выросло,
стало непроницаемым
и тяжёлым…
Где-то опять день рождения,
но мир уже назван,
и сказки переродились в домыслы
или в мечты
о всегда ускользающем лете —
в увядшем, а, может, в грядущем…
В вазе с цветами
не вода — алкоголь,
но мягким не стать и на ощупь,
лишь во тьму катится пуговка…

*

Помнишь — ножичком вырезал
формулу счастья на дереве?
Смолы золотая слеза
затягивала неуверенный
почерк стали,
когда после плюса
шли детали
волнительного союза,
итогом которого
по замыслу должна была быть
любовь. Дорого
отдал бы тогда, чтоб у судьбы
получилась именно эта сумма,
но математика тут слаба —
впрочем, как и лирики струны…

Где же то имя
теперь хлопает крыльями?
В контексте с какими
людьми или
событиями?
Давно уже спилено дерево
и порваны нити
юности с призрачным будущим —
вернее с обыденным настоящим.

Время тихо сидеть с удочкой
на берегу озера, чашей
обращённого к редкозубому
рту перелеска —
ждать поклёвки и с умным
видом вымерять длину лески,
но, увы, не остаться в покое:
жизнь вырезает, всех вырезает…
Дерево стало доскою,
и смола — не поможет слезами
ни почерку, ни коре.
Ты уже вывел давно
ряд других формул, и на дворе —
совсем иное кино…

*

Белое на белом — снег.
Так выглядит ненаписанное.
Молоту ночи — месяца серп
над цепочкою лисьих
следов где-то между селом
и лесом — найти бы потоньше герб,
чтобы точнее всего
передать суть зрительных треб
в условиях пасторали.
А вот тут — должна быть часовенка
или нечто плывущее по спирали
с центром в сердце, где совы
не отыщут пустого дупла.
А вот здесь — поставить бы дом
и пока не сварилась крупа —
подышать на замёрзшие стёкла в нём…

А вот тут — пусть колодец.
Вода омывает воду,
ведь, и мы из воды, вроде.
Вода — свобода
от железного обода.
Непритязательность в выборе форм
становится поводом
блюсти содержание, к тому же — скор
век очередной новизны,
а вода сама по себе — весть.
Звякнет цинковое ведро, и с ним —
плеск обретёт свой вес…

А здесь, пожалуй — берёза.
Заезженная пластинка,
но в среднерусском гипнозе
кликать по этой ссылке
не устанет сознание —
открывается сайт колец и волокон,
где попытка сценария —
банально расписанный кокон,
а движение соков —
ботаника микрочастиц.
Станет летом зелёным облаком
эта крона, что нынче из чёрных спиц…

А вот тут — я.
На околице — рядом с оврагом,
за которым пруд, полынья,
и дальше — простор бумаги
с именами незримых селений
и что-то живущее выше снега
и к соснам налипшей серы —
альфа явная и предсказанная омега…

*

Станешь чернозёмом,
из которого лучи пшеницы
возвратятся к солнцу
сквозь бездонное небо
или обычным суглинком
с робким светом осоки,
пробивающимся изнутри
тихого грунта…

А пока — камень среди камней
в погремушке города.
Потрясает ею малыш,
а выходит только невнятный шум,
но это так весело,
когда ты всего лишь бойкий шалун,
ничего не знающий о тонкостях мира
и не думающий взрослеть...

Все эти мысли —
ворохом по карманам.
Рук в них, увы, не согреть,
но мнишь будто что-то несёшь.
Станешь, не станешь —
тоже мне прядки
в дедушкином чулане...

Пробовать горлом воздух —
тот, что здесь и сейчас,
радоваться возможности
прикидывать расстояние
до конечной точки маршрута,
считая, мол, это дело на целую жизнь —
дескать, вот и билет на проезд...

Чернозём — распахан,
суглинок — разрыт,
город — разбужен.
Здравствуй, малыш —
в эту игру
можно бы было играть вечно,
если б не тонкости мира...

*

На нитке шарик.
Ветер — играет
и не подвешенными вещами,
а тут — маятник.
Нитка — суконная,
ветер — юго-восточный.
Влево — летит обречённая «скорая»,
вправо — щебень падает на обочину.
Посередине — полосы.
Шарик на нитке —
без хвои и сиплого голоса
не новогодняя лирика,
а просто — уроки физики.
Влево качнёшься — кумач,
вправо — птенец на карнизе,
по центру — тюрьма и сума...

На нитке шарик —
свобода имеет
длину, что вмещает
доступную меру,
чей довод некрепок.
Игрушка для малыша —
он стоит меж землёю и небом,
раскачивая не спеша
хрупкую сферу,
где отражается солнце,
и секрет, круче тех, что в сейфах,
становится невесомостью.

Тоньше нерва
нитка на шарике
и, наверное,
её оборвут из шалости —
шарик рассыплется
на осколки,
но пока есть сыворотка —
пусть это будет колокол
над искрящейся бездной.
Ветер — то груб, то тих.
Держи ровнее, любезный —
постарайся унять нервный тик.